

Евгений-Володя

Успеть и оглянуться

Чтобы найти верную дорогу,
сначала надо заблудиться.

*Бернар Вербер,
французский писатель*

1.

Стук колёс разошедшихся в разные стороны поездов смолк, и снова стало темно и тихо.

«Надо же, как раз в этом месте, прямо надо мною, два поезда встретились... Пошли один на восток, другой на запад... Вот зацепиться бы за какой-нибудь из них и ехать и ехать... Подальше отсюда. Но где же милиция? Где облава? Наверняка доложили уже, что в поезде стреляли и человек выпрыгнул из вагона под откос в этом месте... Решили ждать до утра? Наверяд ли... В городе есть воинская часть, внутренние войска — зеков на зоне охраняют... Вполне могли бы солдатиков уже снарядить на поиски...»

Мысль о том, что его будут искать, и искать обязательно, не оставляла Евгения. Он думал об этом и делал усилия, чтобы быстрее ползти вверх. Боль по-прежнему преследовала его, отзываясь на каждое движение по всему телу, но уже не была пронзительно-острой.

«Организм, видимо, свыкся с ушибами и переломами...— подумал Евгений.— А может, и нет у меня никакого перелома? Может, только вывих какой? Ну даже если и так, что я могу

сделать? Нужен врач или хотя бы кто-то, кто сможет осмотреть, сделать диагноз, помочь...»

Он глянул, вниз. Там, в темноте, всё так же едва просматривалась мокрая от дождя неширокая ленточка дороги, а за ней — чернеющие кусты вдоль небольшого ручья, и дальше — лес. Если бы он выпрыгнул удачно из вагона, то ему одна дорога — через ручей, в этот спасительный лес... Сейчас он был бы далеко отсюда.

Но этот путь теперь не для него. Ему надо вверх. Он приподнял голову и посмотрел наверх. В нескольких метрах можно было различить стальную полосу рельса.

«Рельсы уже близко. Ещё три-четыре подтяжки — и можно достать рукой...»

Евгений сделал ещё одну подтяжку, перехватил рукой проволоку повыше и вдруг почувствовал, что хочется есть.

2.

После удачной сделки Константин повёл их в ресторан гостиницы «Ангара». Володя хорошо запомнил число и день: тридцатое мая 1980 года, пятница.

Он, да и Витя-Перец, и Исаак впервые тогда оказались в таком шикарном, по их пониманию, заведении.

Два огромных зала освещались, несмотря на обилие многоламповых люстр, неярким светом и настраивали вошедших на неспешные действия.

Они, неторопливо выбрав свободные места в первом зале, сели за боковой столик, разделённый с двух сторон перегородками. Почти сразу возле них появилась официантка, и Константин стал делать заказ. Он не посчитал нужным посоветоваться с товарищами, но товарищи и не возражали. Витя с Исааком, не скрывая любопытства, приоткрыв рты, рассматривали и зал, и столик, и официантку, и посетителей этого часа. Володя, как и его приятели, с любопытством глядел на отдалённую эстраду с музыкантами, на немногих танцующих под музыку людей, не слушая, что говорит девушке-официантке Константин.

Как за боковыми, так и за столами в центре зала сидело несколько военных в окружении шикарно одетых дам возрастом за тридцать. Были здесь три или четыре молоденьких девчонки, видимо, студентки, опекаемые солидными мужчинами в костюмах-троечках.

Для похода в ресторан приятели тоже оделись торжественно. Витя-Перец и Исаак принарядились в новые костюмы и белые

рубашки. У них были одинаковые синие галстуки с олимпийской символикой — башенкой со звездой и олимпийскими кольцами.

Володя к тому времени новый костюм себе не купил, надел старый, ещё не изношенный, в котором поступал на подготовительное отделение. А вот синяя рубашка и неброский чёрный галстук были куплены им вчера. Ну и, конечно же, Константин не был бы Константином, если бы не выделялся из их четвёрки. Впрочем, в тот день он выделялся из всех посетителей ресторана «Ангара», а может быть, и вообще всех мужчин города Иркутска. Константин был во френче. Чёрный с отливом френч, с воротником-стойкой и накладными карманами на груди, напоминал китель.

— Тебе бы, Костян, ещё погоны — и был похож на адмирала или командира военного крейсера, — сделал комплимент другу Володя, когда они вышли из общежития и поймали такси, направляясь в ресторан.

— А то! — засмеялся в ответ Константин. — Мы не хуже адмиралов отдыхать и расслабляться умеем!

Пока приятели всматривались в зал ресторана, Константин не без удовольствия смотрел на них. Вскоре на столе появились четыре рыбных салата, нарезанный дольками лимон, разломанная на несколько частей плитка шоколада на блюдечке, четыре рюмочки-тюльпанчика, похожих на маленькие фужеры, и графинчик с коньяком.

— Я решил коньяк молдавский заказать — «Белый аист», — сказал приятелям Константин. — Отец мой его всегда предпочитает другим. Салатик у нас с омулем. Позже принесут пельмени, а на десерт — кофе и мороженое. Это на пока, а там видно будет.

— Как масть пойдёт? — улыбнулся Исаак, изменившийся и выглядевший солидно в своём новом костюме.

— Вот именно! — ответил Константин, потирая руки. — Как говорил в фильме «Бриллиантовая рука» Андрей Миронов Юрию Никулину в летнем ресторане «Плакучая ива»: «Ну-с, начнём, пожалуй!» Исаак, наливай!

Сияющий Исаак тоже потёр руки и взялся за графин.

3.

От первой мысли — предложить товар «небедным студентам университета» — Константин, поразмыслив, отказался.

— Лучше в универе не светиться, — сказал он, выдавая товарищам, как он выразился, «джинсу» — юбки, брюки и

рубашки.— Сто процентов слух разойдётся, что мы барышничаем. Дойдёт до преподавателей... Лучше разделим город на участки, и каждый будет работать на своём.

— Да уж, работа...— язвительно сказал тогда Володя, найдя сочувствие только в глазах Вити Перцева.

— Да, работа! — как можно серьёзнее возразил ему Константин.— Да, непростая и рискованная работа. Но прошу отметить, что ещё и благодарная, если хорошо её сделаешь...

Его пояснения вызвали блеск только в глазах Исаака.

Реализовать товар они решили в самых оживлённых местах. Участок в районе центрального рынка, включая сам рынок, корпус сельхозинститута, театральное училище по улице Тимирязева и прилегающие точки общепита, достался Володе. Исаак сам вызвался курировать автовокзал, надеясь реализовать заграничный товар землякам-бурятам и туристам, следовавшим к Байкалу. Витю-Перца, скромно высказавшего пожелание: «Не попасться бы на глаза землякам-сельчанам за этой работой. Позору потом в деревне не оберёшься...» — Константин направил в район аэропорта.

— Деревенские твои на самолётах не летают,— сказал он,— так что будь там спок. А я гостиницы возьму на себя и железнодорожников: вокзал, поезда, электрички. Если, Витёк, у тебя ничего не получится, то пойдёшь ко мне стажёром — покажу, как надо дела такие делать!

— Да я сам попробую, может, получится...— смутился Виктор.

— Ну и хорошо! — засмеялся Константин.— Всё у нас получится. А чтобы поднять ваш интерес к предстоящему мероприятию, будет такой расклад: я каждому из вас выдаю товару на семьсот рублей. Это за весь комплект: двое брюк, две рубашки, одна юбка. Хотите — продавайте оптом, хотите — поштучно. По семьсот рублей вы мне возвращаете. Если брюки отдать хотя бы по двести рэ, юбки за сто пятьдесят, а рубашки по сотне — и то навару получится полтинник. Но обычно брюки-джинсы предлагают за двести пятьдесят и торгуются — скидывают десятку-другую, юбка за двести, край за сто семьдесят идёт, рубашки от ста двадцати до ста пятидесяти рублей. Так, что при умном подходе сотни две, а то и три срубить с реализации на свой карман можно.

Исаак с азартом потёр руки.

— На тысячу навряд ли, но за девятьсот или восемьсот пятьдесят рублей, думаю, я смогу своим землякам предложить,— сказал он, сияя.

— Ну, ты можешь им, землякам, по благу и за семьсот десять всё отдать. Десятку себе оставишь — разок в кафе сходишь: на коньячка рюмочку, мороженое и кофе хватит, — подмигнул ему Константин. — Или вообще за семьсот один рубль отдай. В столовке суп-харчо и чай с пирожком возьмёшь — и довольно на первый раз.

Все, включая никогда не обижающего на замечания друзей Исаака, засмеялись.

Смех и весёлое настроение опытного в таких делах Константина придавали уверенности начинающим фарцовщикам, и в один из воскресных майских дней они вышли на первое в своей жизни уголовно преследуемое дело.

4.

Много раз потом Володя думал и об этом дне. Много раз мечтал вернуться к его началу и всё исправить, сделать по-другому.

«Всё могло быть по-другому, в моей жизни — уж точно, если бы я не продал тогда ничего и вернул бы вещи Костяну... Если бы не пошёл в торговый комплекс...»

5.

Он пришёл к центральному рынку со спортивной сумкой в начале девятого утра. Начинался хороший солнечный день, и народ уже тянулся за покупками. Частники на подходах выкладывали урожай прошлого лета — овощи и фрукты — на деревянные столики, предлагали свежую черемшу и зелёный лук. Внутри рынка оживали мясные и колбасные ряды. Любители рыбы шли к отделам, где торговали омулем, хариусом и красными, ещё трепещущими карасями.

Володя обошёл вокруг уличных рядов и два зала рынка, приглядываясь к продавцам и покупателям, сделав вывод, что лучше товар предлагать стоящим за рядами продавцам мяса или рыбы: у них и оборот побольше, и деньги всегда есть. В дальнем ряду, где торговали рыбой, он обратил внимание на полную, улыбчивую, громко зазывающую покупателей даму лет сорока и, выбрав момент, когда у прилавка не было покупателей, подошёл.

— Чем, соколик, интересуешься? Копчёненькая, солёненькая, свежая рыбка... Какую хочешь? — быстро заговорила продавщица, улыбаясь ему.

Володя подался чуть вперёд, нагнувшись над прилавком. Продавщица поняла и наклонилась ближе.

— Джинсы, джинсовые юбки, рубашки не интересуют? — спросил он тихо и быстро.

Толстушка, немного отпрянув, изменилась в лице.

У прилавка рядом с Володей остановились мужчина и женщина, разглядывая рыбу.

— Это же смотреть надо... — сказала, снова наклонившись к нему продавщица. — Сейчас не получится... Начало дня, торговля только начинается, а к обеду мне ещё рыбки подкинут, принимать нужно будет... Если не продашь, приходи часам к пяти вечера, посмотрю...

— Ладно, — кивнул Володя и с облегчением отошёл от прилавка.

Было уже начало одиннадцатого, когда он решил ещё раз обойти рынок вокруг. Возле автобусно-трамвайной остановки по улице имени академика Тимирязева стояла белая «Волга» с чёрными квадратиками на дверце — такси. Таксист, видимо, поджидая пассажира, сидел за рулём с развёрнутой газетой.

— Джинсы, джинсовые юбки, рубашки не интересуют? — спросил его сразу, подойдя к приоткрытой дверце автомашины, Володя.

Водитель приподнял голову.

Лицо молодого парня-бурята показалось Володе знакомым.

Парень тоже с любопытством глядел на него.

— Сапрунов? Володька? — спросил он неуверенно.

— Ханкаев? Дамир! — узнал Володя.

— Садись, поговорим, — пригласил Дамир армейского товарища, открывая ему противоположную дверь «Волги». — Я тут ещё полчаса, не меньше, простою. Клиентов привёз в торговый комплекс, а там рядом нигде не припарковаться, я тут остановился. Они просили подождать. Вот жду, — сказал он, когда Володя сел с ним рядом. — Я второй год тут на тачке работаю. Перебрался из деревни... У меня дядя здесь, в Иркутске, инженером в таксопарке работает... Помог устроиться. У него пока живу. Ну а ты как?

— Я студент. Учусь на историческом, в универе.

Володя почувствовал, как краска выступает на его лице. Неудобно получилось. Надо было сначала подойти, поздороваться с таксистом, посмотреть, кто за рулём...

Но Дамир, кажется, уже забыл, с чего началось их общение. Он был искренне рад встрече.

— Молодец! — похвалил он.— Я помню, что ты хотел на подготовительное отделение поступать. Поступил тогда?

— Да, поступил на подготовительное, а потом на первый курс зачислили. Скоро экзамены курсовые, а там — на второй.

— Ну и отлично! А как наш боевой сержант Юрания Матзагир? Вы же с ним, помнится, из одного района в армию призывались.

— Да. Юрка зиму у себя в посёлке, в леспромхозе, поработал, а потом в мореходку на Дальний Восток уехал.

— Помнится, он о чём-то таком мечтал,— сказал Дамир и вздохнул.— Ну, молодцы вы: стремитесь к своей задуманной цели... А я вот баранку кручу, вожу пассажиров по Иркутску... Иногда за город. Один раз вот так же, как тебя, возле рынка Травкина встретил. Помнишь его, он из Бурятии?

— А как же! — воскликнул обрадованный Володя.— Толик Травкин!

— Он тоже в Иркутске. На охотоведа учится.

— Да охотоведческий факультет же здесь, на Тимирязева! Рядом с рынком! — продолжал удивляться Володя.— Я сколько раз проходил там мимо!

— А я его два раза подвозил от вокзала. С сумками прямо на занятия,— продолжал рассказывать Дамир.— И Зот наш тут тоже — Зотченко. Он в Свердловском РОВД, в милиции, служит. Сержант патрульно-постовой службы. Учитя заочно в школе милиции.

— И Зота видишь? — снова удивился Володя.— Ну ты, Дамир, даёшь — со всеми контактишь! А я вот уже полтора года как в Иркутске, а только тебя за это время и встретил...

— Ну, тебе когда по городу разгуливать? Тебе гранит науки грызть надо... — улыбнулся Дамир.— А я по городу катаюсь и днём, и ночью... Нет-нет да встретишь старых знакомых. Вот и тебя сегодня...

Искринки погасли в глазах Володи, когда он вспомнил, при каких обстоятельствах встретил Дамира Ханкаева. Если бы не пришёл к рынку вещи продавать, то и не встретил бы.

— А ты, как я вижу, не только науку постигаешь, ещё и с дефицитом в стране борешься,— сказал Дамир, заметив перемену в лице однополчанина, и кивнул на сумку, стоящую на коленях Володи.— Предлагаешь гражданам импортный товар. Пофарцевать решил? Денег подзаработать?

— Да как сказать... — смутился Володя, глядя на свою сумку.

— Да скажи как есть... — спокойно отреагировал на смену тона в разговоре Дамир. — Я всё понимаю. У самого работа такая: бывает, и левака подвезёшь, и сверх таксы возьмёшь... Дядя меня строго предупреждает, и я стараюсь его не подвести, но случается всё равно... Не мы такие — жизнь такая. Вот и английский помаленьку учу — разговорник купил, чтобы с интуристами легче общаться было. Они хорошо платят, не скупятся. А некоторые наши любители выпить, с горящим нутром и безумными глазами, ловят ночью таксистов и просят продать им водки или вина. По червонцу предлагают за бутылку, а то и больше. Я водку с собой не вожу, но иногда особо страждущих доставляю по нужным им адресам. Небескорыстно, как понимаешь... Так что, если хочешь, расскажи мне про свою фарцовку. Может, какой совет дельный дам. Бескорыстно! Как другу!

Дамир засмеялся, сделав ударение на последних словах.

— Ты мне, наверное, не поверишь, — сказал вполголоса, подняв голову и глядя на улыбающегося Дамира, Володя. — Я в первый раз сегодня... Студент один наш, вместе в комнате живём, из Ангарска, предложил нам с товарищами подзаработать — продать вот это барахлишко. Ну, вот я и решил попробовать... Деньги, сам знаешь, лишними не бывают, особенно у студентов...

— Из Ангарска студент, говоришь? Да, там они такие... — Дамир, продолжая улыбаться, покачал головой. — Знаю я этих ангарчан...

— Да, из Ангарска, — подтвердил Володя. — Я вот взялся, но сразу понял, что не моё это дело. Зря согласился... Хожу тут уже больше двух часов и к тебе только да к продавщице рыбного отдела на рынке обратился... Смелости и наглости у меня не хватает. Не по мне всё это... Наверное, верну Константину товар его...

— Ты знаешь, я всё больше и больше убеждаюсь, что в этой жизни всё не случайно, — вдруг, сделав лицо серьёзным, сказал Дамир. — Все наши поступки, все наши встречи как будто кем-то заранее придуманы и расписаны. Указано как будто, кому в каком месте быть, и мы по этой указке там в нужное время оказываемся. У тебя такие мысли ни разу не появлялись?

— Появлялись, — кивнул Володя, не поняв, к чему Дамир вдруг заговорил об этом.

— Так вот, я думаю, что сегодня как раз такой случай, — сказал Дамир. — Я сейчас подвозил парочку интересных людишек: мужчину, примерно за сорок, и женщину, ей около тридцати. По их разговору понял, что они приехали в торговый

комплекс «сориентироваться по ценам», как женщина выразилась. Они о шубах говорили, что по весне на них цены должны упасть, и про золотые изделия. Вроде как, наоборот, золото должно вот-вот подорожать. Я это к тому говорю, что, может, их заинтересует то, что у тебя в сумке...

— Может,— согласился Володя.— Ты предлагаешь их подождать здесь?

— Нет. Лучше будет, если они не заподозрят, что мы знакомы и что я на них тебя навёл. Ты иди в торговый комплекс, сначала в отдел шуб, а если их там нет, то пройди в ювелирный. Ты их сразу узнаешь. Мужик в чёрной короткой кожаной куртке, кудрявые волосы русые, до плеч, а баба в синем полупальто, и платок на ней большой такой цветастый, концы по пальто свисают. Сразу не подходи, приценись к ним, но и долго их не разглядывай, подозрение можно вызвать. Постарайся выбрать момент — и предложишь мужику... Лучше, когда бабы не будет рядом.

— Ну ладно,— кивнул Володя,— попробую. Всё равно кому-то надо предлагать. Спасибо, Дамир. Пойду поищу мужика в кожанке.

— Удачи! — пожелал Дамир.— И давай не теряйся. Скажи мне адрес твоего общежития, а я тебе сейчас свой запишу. Я на Байкальской улице живу.

Володя назвал адрес общежития. Дамир записал в блокнот, а затем, сделав ещё запись, вырвал страничку и протянул листочек Володе.

— Вот мой адрес. Думаю, несмотря на твои экзамены скорые и мою работу, выберем время, посидим где-нибудь. Или в Листвянку, на Байкал, съездим. Друзей своих возьмёшь, я вас на «Волге» с ветерком прокачу.

— Добро! — заулыбался Володя, выходя из машины.— Буду иметь в виду экскурсию на Байкал. Спасибо ещё раз, Дамир!

Дамир тоже вышел из автомобиля и пожал Володе руку.

— Ну, ни пуха! — пожелал он.— Потом расскажешь: как всё прошло.

Володя кивнул и, набросив ремешок сумки на плечо, пошёл к торговому комплексу.

6.

Всё в тот день произошло как по предсказанному Дамиром и действительно будто кем-то написанному сценарию.

Поднявшись на второй этаж торгового комплекса, Володя сразу же увидел идущих ему навстречу мужчину в чёрной кожанке и женщину в шикарном платке и синем полупальто.

От неожиданности Володя остановился. А дальше, действительно как по сценарию, мужчина, поравнявшись с ним, сказал женщине, чтобы она ждала его на первом этаже, а сам свернул влево. Володя понял, что он идёт туда, где располагается мужской туалет, и пошёл следом.

«Это шанс!» — подумал он, вспоминая слова Дамира о предопределённости всего, что происходит вокруг.

Володя зашёл в туалет следом за мужчиной и остановился возле умывальника. Пока он разглядывал себя в зеркале и умывал руки, мужчина в кожанке тоже подошёл к умывальнику и встал рядом с ним.

«Сейчас или никогда!» — решил Володя.

— Вас случайно джинсы, рубашки не интересуют? — спросил он вполголоса, когда мужчина стал умывать руки.

Мужчина медленно повернул голову в его сторону, посмотрел оценивающе на него, потом на сумку.

— Это у тебя всё с собой? — спросил он как бы нехотя, тоже вполголоса, закрыв кран умывальника и вытирая руки салфеткой.

Володя кивнул.

— Покажи,— приказал мужчина, голос его уже был громче и поувереннее.

Володя тут же снял сумку с плеча, обхватил её на уровне груди и открыл замок.

Мужчина приподнял двумя пальцами лежавшую сверху рубашку, заглянул под неё, убеждаясь, что там ещё что-то есть.

— Давай не здесь. Сюда в любой момент могут зайти,— сказал он.— Спускайся вниз, к пивной. Знаешь где?

— Знаю,— Володя снова утвердительно кивнул.

— Ну вот, жди меня возле пивной. Я минут через десять подойду.

Пивбар находился в подвале торгового комплекса. Володя с приятелями-студентами был там за время учёбы раза три и каждый раз замечал какие-то перемены. В пивбаре постоянно проводились перестановки столов и менялись порядки. То продавали пиво только в комплекте с резанной на тарелочке и окропленной луком селёдкой, то отдельно от неё, но не более двух кружек на человека.

Володя ждал недолго. Мужчина в кожанке и женщина в платке подошли почти следом. Женщина в обуви на тонких каблуках-шпильках была чуть выше своего спутника, но чуть пониже Володи, рост которого, согласно ещё армейскому за- меру, равнялся одному метру и семидесяти пяти сантиметрам.

«Шикарная дама!» — восторженно подумал, глядя на неё, Володя.

— Инессочка, подожди меня в машине, а я тут с молодым человеком пообщаюсь,— сказал мужчина даме, когда они остановились возле Володи.

Поразительной красоты глаза Инессочки — большие, ка- рие, с подчёркнутыми тушью ресницами и тонкими бровями над ними,— внимательно и пристрастно осмотрели Володю, остановившись на его сумке. Она кивнула мужчине и молча пошла дальше, постукивая по асфальту тонкими высокими шпильками своих полусапожек. Шла она, как подумал Володя, глядя ей вслед, «грациозно и фигурно». Стройные ноги её в бе- лом капроне, коричневые полусапожки, полупальто и платок смотрелись на ней красиво и завораживали.

— Ну что, дружок, пойдём по кружечке пивка через ор- ганизм пропустим? — улыбнулся мужчина в кожанке, давая возможность Володе оторвать взгляд от уходящей женщины и первому спуститься по лестнице в подвал.

Ничего, как показалось Володе, не изменилось с его послед- него прихода в пивбар. Длинные, в два ряда, столы вдоль стен, за которыми сидело с пивными кружками несколько человек.

— Степаныч здесь? — спросил мужчина, поздоровавшись с девушкой за барной стойкой.

Та улыбнулась ему.

— Валерия Степановича нет пока,— сказала она.— Но могу позвать Ольгу Алексеевну. Она за него сейчас...

— Позови, пожалуйста,— подмигнул ей мужчина.

Девушка ушла и через минуту вернулась с кучерявой, не- высокого роста, пожилой женщиной в белом халате. Завитуш- ки кудрей её выглядели ненатурально, а волосы были окраше- ны в белый цвет

— Сергей Иннокентьевич! Здравствуйте! — просияла женщина, увидев Володино спутника.— Давно не были у нас. Вам поговорить?

— Да, как обычно, Ольга Алексеевна,— сказал ей, поздо- ровавшись, Сергей Иннокентьевич.— Если можно...

— Ну, вам всегда можно,— продолжала улыбаться ему крашенная блондинка и показала на дверь справа от барной стойки.— Проходите, пожалуйста!

За дверью была небольшая комната: стол, четыре стула, в углу прибита вешалка.

— Присаживайтесь,— сказала Ольга Алексеевна.— Сегодня у нас пиво тёмное бархатное и светлое жигулёвское.

— Нам светлого по кружечке,— сказал Сергей Иннокентьевич.

— К пиву селедочки или омуля? — спросила Ольга Алексеевна.

— Давайте омуля. Гулять так гулять! — засмеялся Сергей Иннокентьевич и показал Володе на стул: — Располагайся.

7.

Сколько раз вспоминал позже Володя и ту встречу, и ту сделку и всегда спрашивал себя: «С неё ли всё началось?» — чаще всего давая утвердительный ответ. Иногда Володя говорил себе: «Если бы этот Сергей Иннокентьевич не взял бы у меня тогда товар, то вся бы моя жизнь сложилась по-другому». Но, подумав и взяв под контроль эмоции, соглашался с тем, что можно было бы остановиться и после этой сделки. И позже не соглашаться на другие предложения Константина. Ну а та его первая сделка в пивбаре торгового комплекса, видимо, действительно была предрешена. Всё сложилось так, как должно было сложиться: он пришёл в нужное время на рынок, подошёл в нужный час к «Волге», где увидел Дамира, а потом, в нужную минуту, вышел прямо на Сергея Иннокентьевича и красотку Инессу.

«Нужное время, нужный час, нужная минута... Кому нужные? Мне? Сергею Иннокентьевичу? Инессе? Дамиру? А может, Константину? Кому? Кто от этого выиграл тогда? Кто-то стал богаче? Счастливее? Наверяд ли...»

8.

Сергей Иннокентьевич ни к пиву, ни к омулю не притронулся.

— Ты давай пей, не торопись, а я пока посмотрю, что у тебя тут,— сказал он Володе, по-хозяйски открыв его сумку и доставая оттуда вещи.— Тебя как зовут-кличут?

— Владимир...

Володя сделал пару глотков. Пиво было свежим и приятным на вкус. Сразу захотелось есть. Он откусил хлеб, подцепил

на вилку кусочек рыбки. И омуль, и даже хлеб — мягкий и хрустящий — показались Володе необычайно вкусными.

— Работаешь где или учишься? — снова спросил Сергей Иннокентьевич, доставая из сумки вещи.

— Студент Иркутского госуниверситета. Исторический факультет! — отрапортовал, как рядовой командиру, Володя и сделал ещё глоток из кружки.

— А-а-а-а! Понятно! — развеселился вдруг Сергей Иннокентьевич.— А я-то думаю: кого ты мне напоминаешь из исторических персонажей? Теперь понял: Владимира Мономаха!..

— Это чем же? — удивился Володя.

— Да, наверное, тем, как ты имя своё произнёс: Владимир! Торжественно, по-царски, точнее — по-княжески. Ну а меня как зовут, ты уже слышал. Пей пиво и из второй кружки и ешь всю рыбу, мне не оставляй!

Сергей Иннокентьевич перебрал джинсы и рубашки, рассмотрел этикетки и, аккуратно свернув и сложив вещи обратно в сумку, спросил:

— Сколько просишь за всё?

— Тысячу... — неуверенно произнёс Володя, уже чувствуя, что он должник своего покупателя.

— По-княжески! — сказал, улыбаясь, Сергей Иннокентьевич, присаживаясь рядом.— Ну, косарь за это многовато, конечно. За восемьсот могу взять.

— Девятьсот! — вырвалось у Володи, и он сам удивился своей смелости.— Девятьсот двадцать... — сказал он тут же, уже тише, вспомнив, что две недели назад занимал двадцать рублей у Константина.

Сергей Иннокентьевич засмеялся:

— А двадцать-то почему ещё?

— Надо мне... — опустил голову Володя.

— И мне надо... — сказал, вставая, Сергей Иннокентьевич.— Прояви ко мне хоть своё княжеское великодушие! Я сам уже давно такими делами не занимаюсь. Пройденный этап моей жизни. Но сегодня меня утром моя соседка ни с того ни с сего вдруг попросила достать ей кое-что... Как раз джинсы, рубашки, юбки... Я ей не обещал... Так, поговорили, и всё. И вдруг ты с нужными ей вещами возник... Как волшебник с бабахолки.

Сергей Иннокентьевич встал, хлопнув по плечу тоже поднявшегося из-за стола Володю.

— Правда, соседка две юбки просила и рубашки четыре, как мне помнится... Да, думаю, что и от лишней парочки джинсов она не отказалась бы... У тебя ещё что-то из такого же на продажу есть?

— Есть,— сказал Володя, подумав о Вите-Перце, о том, что он навряд ли что-либо продал.— Есть ещё такой же наборчик.

— Ну хорошо,— снова присел на стул Сергей Иннокентьевич.— В общем, так: даю тебе за всё девятьсот рублей. Забираю товар вместе с сумкой. В качестве компенсации оплачиваю пивбар. А ты поговори со своими. Могу взять ещё один такой же комплект за восемьсот восемьдесят рублей. Но только один раз и только ради тебя, твоего княжеского имени. Если будет ещё, то самая большая цена — восемьсот пятьдесят. Понял?

— Да...— сказал Володя, присаживаясь на свой стул.

— Согласен?

Володя кивнул.

— Ну и хорошо. Если с дружками решите, то сегодня с семнадцати до восемнадцати часов можем встретиться снова.

— Здесь?

— Нет. «Баньку» знаешь? Кафе-мороженое напротив управления железной дороги?

— Знаю... Был там...

— Вот там и жди, если надумаешь. Приходи один, с товаром. Ну, на худой конец, для подстраховки, с приятелем. Большой толпы не надо. Ясно?

— Ясно.

Сергей Иннокентьевич достал из внутреннего кармана пачку десятирублёвок и, оторвав ленточку с торца, отсчитал десять купюр, вытянул их из пачки, свернул вдвое и спрятал в боковой карман куртки.

— Вот твои девятьсот,— протянул он пачку Володе.— Посиди пока тут. Пива попей. Денежки пересчитай. А минут через сорок, через час после того, как я уйду, выйдешь. Лады?

— Лады,— сказал Володя, взяв початую пачку десятирублёвок.

— Ну, пока! — Сергей Иннокентьевич встал, протянув Володе руку.

Володя поднялся, пожал руку новому знакомому.

— Сейчас тебе омулька ещё принесут, обслужат как князя,— сказал Сергей Иннокентьевич и, забросив ремешок Володиной сумки на плечо, спросил: — Твоих вещей там никаких нет?

— Нет,— сказал Володя, прощаясь с сумкой, которую он купил по осени, по приезде на учёбу.

Сергей Иннокентьевич, махнув Володе на прощание, вышел.

Володя сел и быстро пересчитал деньги. Он впервые в жизни держал в руках столько красненьких бумажек, что разволновался и в спешке, косясь на дверь, насчитал сначала восемьдесят девять штук, потом — восемьдесят восемь.

Он хотел пересчитать в третий раз, но в дверь постучали.

Зашла Ольга Алексеевна.

— Вот — вам. Как было заказано Сергеем Иннокентьевичем, — она поставила на стол тарелочку с нарезанной рыбой.

— Спасибо!

— Рады услужить! — улыбка Ольги Алексеевны молодила её лицо. — Друзья Сергея Иннокентьевича — наши друзья! А вы, позвольте спросить, тоже из иняза?

— Нет, я в университете учусь... — ответил Володя.

Для него была неожиданной новостью, что Сергей Иннокентьевич как-то связан с институтом иностранных языков. Неужели он там преподаёт?

— Да-а-а... — словно удивившись, произнесла Ольга Алексеевна, и Володя подумал, глядя на неё, что она, скорее всего, ещё не достигла пенсионного возраста, как ему показалось сначала. — В ИГУ учитесь? Не на журналиста?

— Нет, я на историческом...

— Молодец! — похвалила Ольга Алексеевна. — Археологом, наверное, будешь? На раскопки разные выезжать, старинные поселения открывать?

— Хотелось бы, — смущённо сказал Володя.

— А мой младший сын журналистом мечтает стать, — вздохнула Ольга Алексеевна. — Заметки разные пишет, стихи сочиняет... Он в этом году школу заканчивает, летом поступать будет. Его заметки печатали в заводской газете. Редактор их хвалил.

— Ну, раз редактор его поддерживает, значит, поступит, — сказал Володя, подумав про Исаака. — У меня друг на журналиста учится. Его там, где он живёт, в районе, своя, местная редакция рекомендовала в университет, и он поступил. Правда, через подготовительное отделение... Но у всех редакторов газет, я думаю, есть связь с факультетом журналистики. И вашему сыну хорошую рекомендацию напишут.

— Дай бы Бог, чтобы поступил... — снова вздохнула Ольга Алексеевна. — Если не поступит, в армию заберут. А ты в армии был?

— Да. Я после армии в университет поступал.

Ольга Алексеевна одобрительно покачала головой и вышла.

А Володя, уже совсем успокоившись, вынул пачку денег из кармана куртки и теперь неспешно, не озираясь на двери, насчитал девяносто бумажек.

9.

Выйдя из пивбара, он решил сразу ехать в аэропорт.

Витю-Перца долго искать не пришлось. Тот сидел на скамейке недалеко от конечной автобусной остановки. Наверное, любой человек, не только Володя, глянув в эту минуту на выражение лица Виктора, сразу бы решил, что нет сейчас на всей земле человека несчастнее его.

Витя выглядел растерянным, подавленным, сконфуженным. Он сидел на краю скамейки, закинув ногу на ногу, подперев одной рукой подбородок опущенной вниз головы. Локоть упирался ему в колено. Синяя спортивная сумка была им небрежно брошена на другом конце скамьи, и можно было подумать, что Витя не имеет к ней никакого отношения

— Мне сейчас один мужик чуть по морде не дал, — сказал он, увидев приятеля. — Я ему джинсы предложил, а он лёгчиком оказался... Схватил меня за грудь и сказал, что если я не уйду сейчас же, то он милицию на меня натравит.

— Так и сказал: натравит? — спросил, стараясь улыбнуться, Володя.

— Сказал: «Натравлю на тебя сейчас милиционера», — откинувшись на спинку скамейки и складывая руки на груди, сказал Витя. — А я вот сел здесь и жду. Пусть милиционер приходит. Мне всё равно. Зачем я согласился? Это же совсем не для меня. Не могу я барыжничать: ни подойти не могу, ни предложить уверенно... Только надумаю, решусь, а тут сразу и ноги, и руки трястись начинают... Как будто краденое в сумке у меня лежит. Будто спёр у кого-то и пытаюсь сбыть... Такое вот чувство. А у тебя?

— Да, и у меня такое же чувство, — Володя сел рядом с другом, положил ему руку на плечо. — Чувство не самое лучшее, но коли согласился...

— Согласился! — Виктор встрепенулся и повернулся к Володе. — Согласился, не подумав хорошенько!

— А ты в аэропорт-то заходил? В зал ожидания? — спросил Володя.

— Заходил, обошёл зал вокруг и вышел... Там все своими делами заняты, им не до меня, не до купли-продажи. Хотел к

буфетчице подойти, так около неё постоянно народ. А вышел — нарвался на этого... Откуда я знал, что он лётчик? Он был в гражданской одежде, в плаще. А оказалось, что он тут чуть ли не командир всех лётных экипажей. Заорал на меня: «Ты кому предлагаешь барахло своё? Барыга несчастный!» Схватил за грудки, чуть не придушил...

— Ну ладно, забудь...— сказал Володя, глядя в бегающие, растерянные глаза приятеля.— Не всегда всё сразу получается. И у меня не сразу вышло. Но не буду тебя томить. С тебя бутылка. Кажется, сегодня мы сбавим и твою партию.

— Кому? — удивился Витя, опустив руки на колени.— Ты что, уже продал своё?

Володя кивнул, стараясь изобразить на лице загадочную улыбку.

Но Витя, вдруг резко сбросив руку товарища, поднялся со скамьи.

— Знаешь, а мне уже точно ничего не надо! — сказал он громко.— Я уже натерпелся унижений и оскорблений! Забери вот всё, вместе с сумкой! Продай сам за сколько сможешь и возьми всю разницу себе. Мне не надо!

— Тихо, тихо, тихо! — встав рядом с Виктором и поймав его за руку, проговорил Володя.— Давай без всякой паники. Успокоимся сначала. Мы же с тобой друзья, Витёк. Однокашники. Не одну кастрюльку за время нашего знакомства каши разной съели. Сейчас зайдём в кафешку какую-нибудь, перекусим спокойно. Угощу тебя кофе. Потом поедem в общежитие, отдохнём, а к пяти часам отвезём твою партию куда нужно, отдадим, получим денежки...

— А куда нужно везти? — спросил успокаивающийся Виктор.

— Мы об этом в кафе с тобой поговорим,— сказал Володя, взяв его за плечи и убеждаясь, что приятель успокоился.— Бери свою сумку, и пошли на остановку.

В курс дела он ввёл Витю, когда они сели за столик в кафе недалеко от планетария.

Володя взял для приятеля макароны с котлетой, бутерброд и кофе. Себе — кофе и бутерброд. Он хотел заказать по сто пятьдесят граммов вина, но решил, что после пива вино ему будет не на пользу и лучше отметить удачную сделку вечером, после того как они получают деньги за Витину партию шмоток.

— Пойдём вдвоём, а разговаривать с покупателем буду я,— пояснял другу Володя.— Отдадим, заберём деньги. Они

все твои будут. Хорошо бы я был тебе друг, если бы ещё от твоей доли себе отрезал...

— Но ведь это ты, получается, организовываешь и продаёшь, а значит, я ни при чём. Весь навар — твой, выходит! — возражал Виктор.

— Твой! — убеждал его не менее горячо Володя. — Твой это навар будет! Тебе выдали вещи — значит, они твои! А я тебе просто как друг помогаю. В другой раз ты мне поможешь. С твоей доли мне ничего не надо. Разве что бутылку водки купишь... Обмыть сделку, как полагается в таких случаях...

10.

В «Баньку» их, прогуливавшихся как-то после занятий по городу, в первый раз, ещё зимой, затянул Константин.

Почему небольшое кафе-мороженое, где, кроме белого лакомства с джемом и шоколадом в железных чашечках, продавали на розлив сухое и полусладкое вино и варили необычайно вкусный кофе, называли все «Банькой», никто толком объяснить не мог. Всезнающий Константин на этот вопрос ответил так:

— Я слышал две версии названия. Первая: из-за алюминиевых листов с гофрированием под цветочек, какими оформлено кафе внутри. Такое же оформление в банях бывает. А вторая версия: когда в кафе собирается много народу, окна начинают запотевать, и с улицы ничего и никого не видно. Какой-то остряк, имя его неизвестно, сравнил это местный феномен с парной в бане. Выбирайте любую версию. Кому какая нравится. Можете свою придумать — глядишь, тоже приживётся...

11.

Володя с Витей-Перцем подъехали к «Баньке» примерно без двадцати пять. В кафе сидели три девушки и два парня. Один столик был свободен, и Володя, кивнув Виктору, чтобы присаживался, пошёл к стойке и заказал два мороженых с земляничным джемом и кофе по-венски.

— Красиво живём! — воскликнул Витя, увидев мороженое, а когда им принесли кофе, добавил, что у него нет слов это комментировать.

— Все комментарии и реплики потом, — сказал ему на это Володя.

Они просидели в кафе, как им показалось, очень долго. Съели мороженое и выпили кофе, а Сергей Иннокентьевич не появлялся.

— Половина шестого уже,— сказал Виктор, заметив, что приятель нервничает и постоянно смотрит на входную дверь.

— Закажи ещё два кофе по-венски,— сказал ему Володя, протягивая трёшку.

— Пока мы твоего покупателя дождёмся, ты всю прибыль свою просадишь,— покачал головой Витя, принимая три рубля.

Пока Виктор заказывал кофе, за столик к Володе подседа парочка, по-видимому, студентов. Парень с девушкой.

Виктор отставил уже вторую выпитую им чашечку кофе, а Володя неторопливо оттягивал расставание с ароматным напитком, когда в дверь вошла ещё одна парочка: девушка в джинсовом костюме и кепке, с толстой косой волос, спускающейся по левому её плечу на грудь и ниже, почти до пояса, и длинноволосый парень в тёмной, в белую клеточку, необычной байковой рубашке.

Володя находился метрах в десяти от двери и не сразу, а только присмотревшись, узнал в девушке Инессу.

Если бы он встретил её идущей ему навстречу по улице, то, наверное, не узнал бы. В короткой курточке и обтягивающих её бёдра брюках она мало была похожа на ту утреннюю Инессу — спутницу Сергея Иннокентьевича. Но Володя у пивбара внимательно рассмотрел её красивое лицо, запоминающиеся глаза и узнал. Инесса, едва заметно указав парню на Володю, вышла. Волосатый парень в байковой рубашке, заметив, что Володя смотрит на него, не проходя в зал, показал пальцем на Виктора и пару раз махнул ладонью вниз, затем, указав сначала на сумку, а потом на Володю, поманил к себе.

— Посиди здесь,— сказал Володя, поднимаясь и забирая сумку, пока ещё ничего не понимающему Виктору.— Выглядывай в окно, я тебе махну когда надо.

Витя молча проводил взглядом друга, скрывшегося за дверь вместе с его сумкой и волосатым парнем.

— Ты декана ждёшь? — спросил его парень, когда они вышли.

Володя остановился, не сразу понял, о ком речь.

— Я Сергея Иннокентьевича жду...— сказал он.— Мы с ним договаривались.

— Ты Владимир?

— Да...

— Вон видишь «Жигули» вишнёвого цвета? — парень, не торопясь осмотрев Володю, показал на припаркованный возле тротуара автомобиль.— Иди, садись на заднее сиденье. Я сейчас подойду.

На переднем пассажирском сиденье автомобиля уже располагалась Инесса. Володя поздоровался с ней, усаживаясь сзади.

— Здравствуй,— сказала Инесса, не оборачиваясь.— Ты князь Владимир?

Володя смутился.

— Владимир, но не князь...— проговорил он, едва проглотив слюну.

— Сейчас Толик к тебе подсядет, ему всё покажешь и расскажешь,— улыбаясь, повернулась к нему Инесса.

Толик в байковой рубашке, подсев рядом, сразу бесцеремонно взялся за сумку, стоявшую на Володиных коленях.

— Товар здесь? — спросил он.

Володя кивнул и подал ему сумку.

— Интересно, почему это декан наш тебе сразу доверился?...— задумчиво сказала Инесса.— Он очень осторожный человек, а тебе как-то сразу открылся. Ты вообще кто?

Карие зрачки Инессы из-под надвинутой на лоб кепки лукаво светились.

— Простой студент...— пробормотал Володя, не узнав своего подавленного волнением голоса.

— Ну, раз простой, а не князь, тогда ладно! — засмеялась Инесса, и расплывшаяся по её лицу улыбка показалась Володе добродушной и располагающей.

— Ты, мужик, наверное, в курсе: о нашей встрече и тем более сделке никому ни слова,— проговорил Толик, рассматривая внимательно этикетки на джинсах и рубашках.

— В курсе,— сказал Володя.

— Я тебе верю,— не отрываясь от своего дела, снова сказал Толик.— А этому своему корешку подробности говорить не надо. Взял, отдал — все дела. Понятно?

— Да, понятно...— тихо проговорил Володя.

— Ну, всё в норме! — сделал заключение Толик, складывая вещи обратно в сумку.— Вот тебе, как вы с Иннокентьичем договаривались, восемь соток, полтинник и три десятки. Пересчитай.

Толик поставил сумку себе на колени и выложил на сиденье между ним и Володей деньги.

— Всё правильно? Восемьсот восемьдесят? — спросил он, когда Володя пересчитал.

— Да, правильно, — Володя, почувствовал, как наливается красным цветом.

«Наверное, я такой же красный сейчас, как Витя-Перец, когда волнуется», — подумал он, боясь поднять глаза и посмотреть в сторону Инессы.

— Ну, тогда давай, дружок. На этом расстаёмся... Номера телефонов и адреса я не даю никому, но если будет какое хорошее предложение, то подходи к «Баньке». Я пару раз в неделю заглядываю сюда в районе семнадцати-девятнадцати часов. Лады?

Толик протянул руку Володе.

— Лады, — пожимая руку покупателя, Володя мельком глянул на Инессу.

Она смотрела на него всё понимающими глазами. Улыбка не сходила с её лица.

— Приятно было познакомиться, — сказала она вслед выходящему из авто Володе.

— Взаимно, — сказал он ей, закрывая за собой дверцу.

12.

Обрадованный Витя-Перец всю дорогу до общежития рвался купить две бутылки коньяка и отметить удачную сделку.

— Я столько сегодня натерпелся, что не дай Бог! — говорил он, убеждая Володю. — Хорошо, что так закончилось быстро. Ты прав, это надо отметить. Снять стресс...

— Две бутылки нам, даже если и Исаак, и Костя подключатся, будет много. Это уже не фуршет по удачной сделке, а пьянка получится, — стоял на своём Володя. — Бери одну «Столичную» или «Старку», бузы бурятские. Можно баночку маринованных огурчиков. Выпьем, закусим и за жизнь поговорим ...

Как ни хотел Володя, но одной бутылкой спиртного дело всё же не обошлось.

Когда друзья добрались до общежития, было уже восемь часов вечера, а в комнате их ждал сюрприз. На столике у окна стояла высокая бутылка «Советского шампанского», а рядом коньяк «Апшерон». Вокруг них в тарелочках лежали дольки лимона, кружочки колбасы, хлеб. Сияющий и потирающий руки Исаак, было видно, сгорал от нетерпения, а у окна, рядом со столиком, на своей кровати сидел улыбающийся Константин.

— Проходите! Проходите! Давно вас ждём.— Исаак готов был обнять и расцеловать друзей.— Я сегодня удачно всё про-вернул на автовокзале! Мне земляк один мой, деловой очень, помог всю партию сразу сбыть за тысячу... Правда, пришлось ему полтинник комиссионных заплатить... Но это мелочи... Я от радости такой решил вас угостить коньячком, а Костя шампанское принёс.

— Я подумал, что мои друзья-товарищи в первый день ничего не продадут, придут злые и уставшие... Хотел шампусиком взбодрить...— сказал Константин, поднимаясь с кровати и приближаясь к приятелям.

— А мы тоже не лыком шиты! — улыбнулся Витя, вынимая из пакета и выставляя на стол бутылку «Столичной», банку огурцов, бузы на одноразовой картонной тарелочке.— И мы хотели обмыть нашу удачную продажу и угостить вас водочкой.

— Ну, друзья мои! — воскликнул, глядя на это Константин.— Я вас недооценил! Думал, что вы неделю минимум будете с вещами по рынкам да вокзалам шастать, а вы в один день всё сбагрили! Дайте же я вас обниму,— Константин обхватил своими большими руками стоящих рядом друзей и прижал к себе.— Ну, теперь мы вправе пировать!

Перед тем как все сели за стол, Володя решил отдать причитающиеся Константину семьсот рублей, а заодно вернуть ему двадцатку долга. Витя и Исаак сделали то же самое.

— Здорово получилось,— сказал довольный Константин.— С вами, оказывается, можно дела делать. Правда, говорят, есть такой неписанный закон: новичкам всегда везёт. Это в том смысле, что если новичок садится играть в рулетку или другие какие-то азартные игры, он, как правило, с ходу всегда выигрывает...

— Слышал я про такой закон,— сказал Володя.— Думаю, что это какие-то тёмные силы так затягивают к себе людей. Помогают им на первых порах, а потом...

— Ну-ну-ну! Не надо сегодня о грустном! — перебил его Константин.— Зачем, Володька, ты строишь всякие домыслы? Давайте считать, что мы все фартовые и нам всегда будет везти! И давайте выпьем за успех! У нас сегодня пир! Исаак — разливай! Открывай шампанское!

Там, за столом в комнате общежития, во время пира, вначале задуманного как небольшой фуршет, и появилась у них идея сходить в ресторан.

Оказавшись впервые в «Ангаре», и Володя, и Исаак, и Витя-Перец будто переместились с одной планеты на другую и оказались в неведомой им ранее атмосфере, где дышалось по-другому и шла совсем другая, отличная от их привычной, жизнь.

— Чтобы нам всегда везло и мы всегда имели возможность отметить свой успех в ресторане! — сказал первый тост Константин, когда четыре «тюльпаничика» сошлись в центре стола. — Сразу на закуску не набрасываемся, — пояснил он, когда «тюльпанички» были уже у их ртов. — Погурманим немного. Закусим после первой лимоном и шоколадом и посмотрим вокруг, вживёмся в ресторанный атмосферу.

Все последовали совету более опытного товарища. Володя с Виктором, как и тостующий, взяли по дольке лимона, Исаак — шоколад.

— А что во втором зале? — спросил Витя-Перец Константин, дожидая лимон.

— Во втором зале совсем другая публика собирается, — охотно, даже с видимым удовольствием, пояснил Константин. — Сюда все гражданские лица приходят в цивильном, а военные как на парад, а в том зале собирается народ обычно в джинсе, вельвете, коже. Но туда, как ни странно, с ходу простым смертным, вроде нас, не попасть. Записываться надо... Неофициально, конечно, но надо, и причём у знакомого официанта только.

— Там что, хиппари собираются? — улыбнулся Витя.

— Хиппари не хиппари, но договариваются там, бывает, по-крупному, — откинувшись на спинку стула, сказал Константин. — Нам, правда, пока такая публика не нужна. Нам среди цивильных хорошо.

— Да, нам здесь даже лучше! — воскликнул Исаак. Было видно, что коньяк ударил ему в голову. — Может, по второй? — предложил он.

Константин посмотрел на товарищей. Их взгляды говорили о том, что они не против и по второй.

Когда Исаак взялся за графин, в зале заиграла музыка. На невысокой сцене появилась девушка в блестящем бледно-розовом платье и запела известную всем песню из репертуара певицы Ксении Георгиади:

Целый день, целый день, целый день
Заставляет тебя мама

Повторять, повторять, повторять:
До-ре-ми-фа- соль-ля-си!

Пустующее пространство возле эстрады стало заполняться желающими размяться.

А в окне, а в окне, как во сне,
Дождь играет свои гаммы,
И звучит за окном целый день
Старомодный клавесин!

— Давайте уже по второй! — призвал Исаак. — Я танцевать пойду!

Быстро коснувшись своей рюмкой с другими, Исаак опрокинул коньяк в рот, откусил лимон. Нажёвывая, он подняв над головой обе руки и под слова припева, пританцовывая, пошёл в середину зала.

А в переулке узеньком
Который день подряд
Даёт уроки музыки
Маэстро листопад.
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна —
И я брожу по городу одна!

Витя-Перец в такт музыке и словам, тоже пережёвывая лимон, хлопал в ладоши, улыбаясь во всё своё большое раскрасневшееся лицо.

Константин и Володя, довольные, смотрели то на Виктора, то в сторону эстрады.

А музыка набирала ход и летела над танцующими и растворившимся среди них Исааком. Девушка-певица, пританцовывая, уверенно держала в руке микрофон, и голос её становился громче, а слова песни — отчётливее:

Целый день, целый день, целый день
Занимаешься зубрёжкой!
Ты окно распахни, посмотри,
Ты увидишь там и тут,
Вместо нот, вместо нот, вместо нот
Ты услышишь за окошком:
На пяти, на пяти проводах
Птицы звонкие поют!

Хор голосов из числа танцующих и сидящих за столами присоединился к певице после второго куплета:

А в переулке узеньком
Который день подряд
Даёт уроки музыки
Маэстро листопад.
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна —
И я брожу по городу одна!

— Наша песня! Студенческая! — наклонившись к столу, перекрикивая музыку, сказал развеселившийся Витя-Перец, и Володя с Константином в такт согласно кивнули ему.

А песня продолжалась, и круг танцующих пополнялся новыми людьми.

Целый день, целый день, целый день
Занимаешься зубрёжкой!
Целый день, целый день, целый день
Занимаешься зубрёжкой!
Целый день, целый день, целый день...
Зубрилка!

— Зубрилка! — понеслось со всех сторон зала.

Казалось, что все собравшиеся в ресторане, включая официантов, кто в такт, кто невпопад, радостно выкрикивали это слово вслед за певицей.

— Зубрилка! — кричал Витя-Перец, продолжая хлопать в ладоши.

Константин с Володей сначала, не сговариваясь, посмотрели на друга, а затем запели вместе со всеми слова припева:

А в переулке узеньком
Который день подряд
Даёт уроки музыки
Маэстро листопад.
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна —
И я брожу по городу одна!

— Ну, друзья, третий тост — за любовь и за то, чтобы девушки не бродили по городу в одиночестве, — призвал Константин, когда вернувшийся за стол Исаак снова наполнил «тюльпанчики».

— Поможем девушкам избавиться от одиночества! — воскликнул Исаак, первым вытягивая в центр свою рюмку.

— Давайте! — поддержал Володя приятеля. — Только за любовь пьют стоя.

— А есть уже можно? — спросил Виктор Константина, когда они выпили и присели на свои места. — А то что-то я лимонами не наедаюсь...

— Да, конечно, Витяня! — вытирая пробившие его от смеха слёзы, сказал Костя. — Нападай давай на рыбу, сейчаспельмешки принесут.

Они ели пельмени из глиняных горшочков, выпивали и разговаривали. В зале звучала музыка и песни. Они говорили об учёбе, о том, хорошо бы им — Константину, Виктору и Володе — напроситься летом в археологическую экспедицию, что формируется в университете, но навряд ли получится, потому что туда берут старшекурсников, и то не всех.

— Хорошо, ребята, если бы вас туда взяли, а я бы с вами как журналист поехал, — сказал мечтательно Исаак. — Да даже и не как журналист. Просто копал бы, как все, и делал всё, что нужно. Меня на лето газета наша зовёт, даже требует редактор, чтобы я поработал до сентября. А мне в экспедицию охота или в стройотряд какой. Запишусь я в стройотряд. На БАМ поеду или на Дальний Восток...

— На БАМ или на Дальний Восток навряд ли, а вот проводником на пассажирском поезде тебе вполне можно на лето стать, — сказал Константин, — да и нам тоже. Сейчас собирают студенческие бригады на поезда Иркутск — Усть-Илимск и Иркутск — Москва.

— Здорово было бы в Москву за лето раза два-три хотя бы съездить, — включился в разговор Витя-Перец. — Я в Москве ещё не был.

— И я не был, — сказал Володя.

— И я... — вдохнул Исаак.

— Ну, раз так, — сказал Константин, — раз вы все на Москву хотите посмотреть, я займусь этим вопросом. У меня были другие планы на лето, но ради друзей... А почему бы, действительно, и нет? Мы же не последние студенты в нашем вузе... На недельке выловлю комсомольского вожака универа и заброшу ему удочку насчёт нас.

— Если получится, напишу в нашу газету районную дорожные заметки. Может, ещё и редактор мне командировочные

выпишет заодно,— потирая по привычке руки, веселился в предвкушении Исаак.

После обсуждения планов на лето Володя увлёкся пельменями и, работая ложкой, не сразу заметил, как возле их стола остановилась женщина.

Он сначала подумал, что Константин подозвал официантку, но когда поднял лицо, то увидел Инессу.

Он бы, наверное, и не посмотрел на неё или даже, посмотрев мельком, не узнал (как потом пошутил Константин: «Если бы ты не выпил три рюмки коньяку, то точно — не узнал бы»), если бы она не подошла к ним и не спросила:

— Отдыхаете?

Спросила, разумеется, только его, и он посмотрел на неё. Да, это была Инесса. Её снова было трудно узнать. Тёмно-зелёное бархатное, закрывающее колени платье без рукавов с глубоким вырезом, блестящее кольцо в унисон с блестящими, на длинной цепочке, серёжками и аккуратно уложенная вокруг головы коса делали её не похожей ни на ту, что была в торговом центре, ни на ту, что заходила в кафе-мороженое. Но это была она. Инесса! И он узнал её по её глазам. По её красивым светящимся карим зрачкам. Они были те же.

Володя почувствовал, как у него затряслись ноги. Ему было неприятно, что Инесса застала его за поеданием пельменей. Он быстро поднялся и, виновато склонив голову, ответил:

— Отдыхаем...

Потерявший было на секунду от такого явления дар речи, Константин быстро пришёл в себя и, встав рядом с Инессой по стойке смирно, тоже склонив вперёд голову, представился:

— Константин!

Тут же со своего места соскочил и Исаак и, встав по другую сторону Инессы, тоже опустив вниз голову, назвал своё имя.

Но больше всех удивил уже опьяневший Витя. Он, с грохотом отодвигая стул, поднявшись, наклонился через стол, протянул к Инессе сразу две свои руки:

— Виктор... Здравствуйте.

— Здравствуйте,— сказала, улыбнувшись, Инесса, коснувшись своей украшенной на среднем пальце перстнем правой рукой рук Виктора.— А я вас уже видела. Я — Инесса.

— Очень приятно,— сказал Витя, выпрямившись и опустив руки.

— И мне...— улыбнулась ему Инесса.— Вы что-то празднуете?

— Да решили немножко отвлечься, развлечься перед экзаменами,— сказал Володя.— А вы одна?

Он тут же пожалел, что задал ей такой бестактный вопрос.

— Да нет...— ответила она просто.— Толик был в другом зале, а сейчас я пришла, он организует столик здесь. Потом ещё Сергей Иннокентьевич обещал подойти и ещё кое-кто...

«Отвлечься — развлечься... Толик — столик... Какие-то прямо стихи пошли»,— подумал почему-то Володя, вслух пожелав Инессе приятного вечера.

— Приятного вечера! — сказала, улыбнувшись всем и кивнув каждому, Инесса.

— Приятного вечера! — вразнобой пожелали ей друг за другом Константин, Исаак и Витя.

Инесса ещё раз улыбнулась и пошла по краю зала, отыскивая Толика. Она шла красиво: чуть покачивая бёдрами, ровно и торжественно несла божественный свой стан. Маленькая сумочка под цвет платья, на длинном ремешке, свисала с её плеча и тоже покачивалась в такт движениям Инессы, а стук о пол шпилек её лёгких туфель-босоножек, казалось, заглушал весь ресторанный шум.

Все четверо друзей стоя и молча провожали её восторженными взглядами.

— Богиня! — воскликнул вполголоса Исаак, когда они вышли из оцепенения.

— Вот у тебя, старик, оказывается, какие знакомства есть,— покачал головой Константин.

— Да какие там знакомства! — махнул Володя, присаживаясь, как и остальные, на своё место.— Она подруга декана, которому я товар сбаврил.

— Декана? — сделал удивлённое лицо Костя.— Это интересно!

— Его зовут все деканом, а декан он или нет, я не знаю,— сказал, смутившись, Володя.— Давай сменим тему. Меня покупатели просили не распространяться о них. Тебе они не нужны, у тебя и без них связи крепкие...

— А может, мне не связи твои нужны, а вот эта интересная дама,— развёл руки над столом Константин.— Может, я её пригласить на танец хочу. Декан, думаю, позволит, если он тоже тут.

— А почему ты? М-может, я тоже хочу её п-пригласить...— сказал, заикаясь от волнения, раскрасневшийся аж до ушей Виктор.

— Витяня! — повернулся к нему Константин. — Ты это серьёзно?

— Вп-полне! — громко и бойко произнёс Витя.

— Ну, тогда я умываю руки, — откинулся на спинку стула Костя. — Я верю, что у тебя это серьёзно.

Если случится, что друг влюблён,
А я на его пути,
Уйду с дороги — такой закон:
Третий должен уйти... —

пропел он.

— Ну, раз наш вечер принимает интересное продолжение, то давайте ещё граммов по сто пятьдесят закажем «Белого аиста»? — предложил Исаак. — Не возражаете?

Никто не возражал, и Константин поманил к столу официантку.

Пока они ждали нового заказа, на сцену вышел длиноволосый парень в зелёной, расшитой белыми узорами и цветами рубашке и запел, подражая известному эстонскому певцу Тынису Мяги, стараясь делать в словах прибалтийский акцент:

Всё это было, это было
У Чистых с лебедем прудов,
Прошла, взглянула и убила —
И не оставила следов,
Прошла, взглянула и убила —
И не оставила следов,
И не оставила следов.

Возле сцены снова появилась группа танцующих, среди которых Володя узнал Инессу.

— Я, кажется, знаю, как посодействовать нашему Виктору, — сказал он. — Давайте все пойдём танцевать, и я заброшу удочку Инессе насчёт того, что Витя горит желанием её пригласить на танго.

— Да, может, не надо?.. — смутился Витя.

— Надо! — потянул его Володя за рукав.

Все встали и пошли к центру зала, над которым уже летел бойкий припев:

Спасите, спасите, спасите
Разбитое сердце моё!

Спешите, спешите, спешите,
Найдите, найдите её!

Спасите, спасите, спасите
Разбитое сердце моё!
Спешите, спешите, спешите,
Найдите, найдите её,—

вместе с танцующими пел Володя, протискиваясь к Инессе.

Инесса веселилась. Глаза её горели карими огоньками. Увидев приближающегося Володю, она приветливо помахала ему.

Прошу искать, не забывая
Той самой главной из примет:
На всей Земле одна такая,
Другой такой на свете нет,—

пел парень со сцены.

На всей Земле одна такая,
Другой такой на свете нет,
Другой такой на свете нет,—

пели, пританцовывая рядом, Володя и Инесса и ещё с десятков танцующих.

— Можно вам вопрос один задать? — почти в самое ухо крикнул Володя.

— Если по делу, то нет! — ответила она тоже громко и почти в такт словам песни.

— Да не по делу. По отдыху! — улыбаясь, говорил ей громко, приблизившись почти вплотную, Володя.

— По отдыху и досугу — можно! — крикнула ему в ухо Инесса.

— Друг мой, Виктор, очень хочет пригласить вас на танец, но стесняется. Боится, что отказа не переживёт...

— Это этот, с красненьким личиком? — спросила Инесса, кивнув на танцующего на расстоянии от них Витю.— Забавный он...

— Да, он со мной в «Баньке» был. Вы позволите ему...

— Ну, пусть попробует,— подмигнула Инесса, и Володя не понял, кому предназначалось это — ему, Виктору, или словам песни.

И если кто-то, если кто-то
Найдёт красавицу мою,
Ему останется всего-то
Сказать, что я её люблю.

Ему останется всего-то
Сказать, что я её люблю,
Сказать, что я её люблю.

А на сцене рядом с солистом появилась девушка, исполнявшая песню про зубрилку, и подхватила:

Спасите, спасите, спасите
Разбитое сердце его,
Спешите, спешите, спешите,
Найдите, найдите её.

14.

Этот день запомнился Володе на всю жизнь. Атмосфера ресторана, энергичные танцы рядом с Инессой и медленное танго Виктора и Инессы. Запомнилось хорошее настроение всех людей, каких он видел в зале «Ангары». Улыбка официантки, громкий смех посетителей, веселье музыкантов, сияющие лица Толика и Сергея Иннокентьевича, мелькнувшие тогда, и даже лицо таксиста, отвозившего их от ресторана до общежития...

Если бы можно было вернуть тот день, повторить его... И, может, даже не его, не тот день тридцатого мая 1980 года, а следующий или тот, что наступит потом, немного позже...

15.

Евгений перехватил рукой проволоку и попробовал ещё раз подтянуть тело вверх, но не смог. Возникшее вдруг внутри него чувство голода разрасталось. Желудок урчал и требовал пищи, руки и ноги не хотели подчиняться.

«Хотя бы дольку лимона с того стола в ресторане „Ангара“. Или кусочек шоколадки...— подумал он.— А лучше бы кофеечку грамм сто, пельмешек и поспать...»

Он закрыл глаза и почувствовал, что засыпает...

«Нет! Нет! Надо ползти! Ещё немного... Надо выбраться на пути, а там уже легче... Там можно скатиться вниз, под откос...»

Евгений повернул голову и почувствовал, боль на щеке. Щёбёночный камень остриём полоснул его чуть выше скулы. Он поморщился от боли и крепче вцепился в проволоку.

«Надо вверх...»